

Кристина Сарычева (Москва)

Литературный юбилей А. А. Фета 1889 г.

В конце 1880-х гг. А. А. Фет считает свой жизненный и творческий путь завершённым. Он пишет мемуары «Мои воспоминания» (1890), которые завершаются упоминанием о предстоящем праздновании юбилея:

Мне бы следовало закончить свои воспоминания юбилейными днями 28 и 29 января 1889 года. Но об этом так много было говорено в разных изданиях, что я не надеюсь сообщить по этому случаю что-либо новое читателю, который и без того может счесть мои воспоминания слишком подробными [Фет 1890/2: 400].

Поэт ретроспективно оценивает свое творчество как целое в «Предисловии» к третьему выпуску сборника «Вечерние огни» (1888). Фет характеризует себя как поэта, которого не вдохновляла «гражданская скорбь»: «<...> жизненные тяготы и заставляли нас **в течение пятидесяти лет** по временам отворачиваться от них и пробивать будничным льдом, чтобы **хотя на мгновение вздохнуть чистым и свободным воздухом поэзии**¹» [Фет 1971: 272].

Описывая отношение публики к его стихотворениям в 1860-е гг., Фет заявляет о приверженности собственным поэтическим принципам 1850-х гг. и безразличии к «приговору большинства» [Фет 1971: 272].

Пятидесятилетний юбилей поэзии Фета, состоявшийся в январе 1889 г., представляет для нас интерес с точки зрения формирования литературной репутации поэта. В рамках настоящего исследования мы собираемся показать, как Фет осмыслил пройденный творческий путь, какое место в литературе он видел для себя и как откликнулись на его юбилей литературные критики и поэты.

Я. П. Полонский писал Фету 3 марта 1888 г.:

В Петербурге 30 Апреля готовят юбилей Майкову. — Не понимаю, как это могло случиться, что ты позднее его выступил на поэтическое поприще. — Помню, что, когда я впервые читал стихи твои, — о Майкове не было еще ни слуху ни духу. — Кажется, что я и ты стали печататься в одно и то же время —

¹ Здесь и далее выделение полужирным наше. — К. С.

но юбилей мой (прошлогодний) подогнали к тому времени, когда я, еще бывши рязанским гимназистом, написал стихи по случаю приезда Великого Князя Наследника Александра Николаевича, которые без моего ведома и были напечатаны в одном из журналов, издаваемых для военно-учебных заведений.

Дай же Бог нам и твой юбилей отпраздновать, так как и ты, судя по стихам Майкова, — один из *трех мальчиков*² [Фет 2008: 632].

Почти год спустя, в январе 1889 г., отмечался юбилей творческой деятельности Фета. Сам поэт относил ее начало к 1839 г., несмотря на то, что первый сборник стихотворений «Лирический пантеон» увидел свет в 1840 г. По поводу начала своего поэтического пути Фет писал в «Моих воспоминаниях» (1890):

Все мы хорошо знали, что Николай Васильевич Гоголь проживает на антресолях в доме Погодина, но никто из нас его не видал. Только однажды, всходя на крыльцо погодинского дома, я встретился с Гоголем лицом к лицу. Его горбатый нос и светло-русые усы навсегда запечатлелись в моей памяти, хотя это была единственная в моей жизни с ним встреча. Не будучи знакомы, мы даже друг другу не поклонились. <...>

Желтая моя тетрадка все увеличивалась в объеме, и однажды я решил отправить к Погодину за приговором моему эстетическому стремлению.

— Я вашу тетрадку, почтеннейший, передам Гоголю, сказал Погодин, — он в этом случае лучший судья.

Через неделю я получил от Погодина тетрадку обратно со словами: «Гоголь сказал, это несомненное дарование» [Фет 1890/1: 141].

Комитет Академии наук, в котором председательствовали Я. К. Грот и Полонский, предложил справить юбилей 28 января. С. А. Толстая настаивала на том, чтобы торжества продолжались и 29 января, в день памяти А. С. Пушкина. Для Фета, несомненно, была важна соотнесенность юбилея с именем классика. Это показывает, например, стихотворение «На пятидесятилетие музы...» (1888; опубл. в вып. 4 «Вечерних огней»), в котором мы видим реминисценцию из стихотворения Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829):

² Цитата из стихотворения А. Н. Майкова «Тому уж больше чем полвека...» (1888), посвященного юбилею Полонского: «Тому уж больше чем полвека, / На разных русских широтах, / Три мальчика в своих мечтах / За высший жребий человека / Считая чудный дар стихов, / Им предались невозвратимо» [Майков 1913: 455].

И пусть у **гробового входа**
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять
[Пушкин 1959: 265].

Ср. у Фета:

Живым карать и награждать,
А нам у **гробового входа**, —
О, муза! Нам велит природа,
Навек смиряясь, молчать
[Фет 1971: 327].

В юбилейном стихотворении Фет развивает пушкинскую тему о завершении жизненного пути человека и появлении новой жизни. Отчетливо звучит мотив смерти: «Нас отпевают», «Всяк благосклонною хвалою / Немую провожает тень», «Как лик усопшего светить / Душою лучшей начинает!» [Фет 1971: 327].

Указанное стихотворение было включено в четвертый, последний, выпуск «Вечерних огней» (1891), в котором мы находим еще ряд стихотворений, где звучат темы завершения жизненного и творческого пути. Об этом поэт заявил и в предисловии к сборнику. Поэт еще работает, и тем не менее он осознает, что творческий путь подходит к концу: «Раскрывая небольшое окошечко четвертого выпуска в крайне ограниченном числе экземпляров, мы только желаем сказать друзьям, что всегда рады их встретить и что за нашим окном *Вечерние Огни* еще не погасли окончательно» [Фет 1971: 315].

В стихотворении «Полуразрушенный, полужилец могилы...» (1888) развиваются темы старости и любви. По-видимому, Фет отвечает на упреки, что он, несмотря на свой возраст, продолжает писать о любви [см.: Арсеньев 1889; Гольцев 1889].

В нескольких текстах Фет упоминает «друзей», которым близка его поэзия: «Полвека ждал друзей я этих песен» («На утре дней всё ярче и чудесней...», 1889), «Тут нет врагов, кругом одни

в 1884 г., Полонский — в 1888 г.), затем один за другим справили пятидесятилетние юбилеи творческой деятельности.

Л. Пильд в статье «Table-talk Полонского и юбилей Фета» отмечала, что современники Фета подчеркивали его «особость», «чуждость» и толпе, и поэтам [Пильд 2013: 1]. Юбилей для Фета был возможностью стать частью мира литераторов.

Особого внимания заслуживает и само юбилейное торжество, о котором писали «Московские ведомости» 29—30 января 1889 г. и «Исторический вестник» в № 3. В первый день, 28 января, праздник проходил на квартире Фета в Москве. Был отслужен молебен, а затем юбиляр принимал поздравления:

Офицеры лейб-уланского его величества полка, в котором некогда служил Аф. Аф., приветствовали его телеграммой. Кроме того, получены поздравительные телеграммы от начальника Московской губернии, князя В. М. Голицына, от графа Голенищева-Кутузова, от правления елецкого музыкально-литературно-драматического общества и множество других. Многие поэты прислали Аф. Аф. посвященные ему стихотворения, лучшее из них принадлежит Я. П. Полонскому. В свою очередь юбиляр всем посетившим его раздавал печатные экземпляры следующего своего стихотворения: «На утре дней всё ярче и чудесней...» [ИВ 1889: 771].

Б. А. Садовской, в 1910-е гг. занимавшийся биографией Фета, посвятил его юбилею часть книги «Ледоход» (1916). Он, используя архивные материалы и описания праздника в периодической печати, дал следующую характеристику:

На празднике присутствовали и члены императорской семьи: Ея Величество Королева Эллинов Ольга Константиновна и Их Императорские Высочества Великие Княгини Александра Иосифовна, Елисавета Маврикиевна. Вечер закончился исполнением песен Л. Д. Малашкина в честь Фета. <...>

Второй день юбилея проходил еще более торжественно. Фет с супругой М. П. Шеншиной входил в залу «Эрмитажа» под «Юбилейный Марш» Баха. Зала была украшена лавровыми деревьями и другими растениями. На столе перед Фетом и его женой было плато из цветов, из которого Фет дарил желающим по цветку. Первый тост был произнесен за здоровье императора и исполнен гимн «Боже! Царя храни...» [Садовской 1916: 190].

Л. Н. Толстой, присутствовавший на юбилее, так о нем писал в дневнике в январе 1889 г.:

Потом жалкий Фет с своим юбилеем. Это ужасно! Дитя, но глупое и злое. <...>

От любви, ухода, жертвы для ребенка она (С. А. Толстая. — К. С.) прямо переходит к юбилею Фета, балу не только пустому, но дурному. <...>

Пошел к Фету. Там обед. Ужасно все глупы. Наелись, напились и поют. Даже гадко. И думать нечего прошибить. А может быть, дурно, что поддаешься. Это respect humain [Толстой 1952: 30].

Обратимся теперь к вопросу о том, как восприняли юбилей Фета его критики, единомышленники и противники, в литературно-критических статьях, стихотворениях и эпистолярной литературе.

Майков и Полонский говорили о неувядающем таланте Фета и об увековечивании его поэзии.

И перейдут они **в наследие к векам,**
И **свежесть сохраняя,** и аромата сладость,
Играя радуги цветами и одним
Помечены клеймом и вензелем твоим!
[Майков 1913: 460] —

писал Майков. Полонский добавлял:

Песни его **вековые** — в них **вечный закон тяготения**
К жизни <...>
[Полонский 1986: 249].

В свое послание Майков включает цитаты из стихотворений Фета:

<...> с зоркостью орла,
Намеченную мысль, средь пропастей ли черных,
Иль в звездных высотах ухватит как трофей <...>
[Майков 1913: 460].

Ср. у Фета в «Как беден наш язык! — Хочу и не могу...» (1887; опубли. в вып. 3 «Вечерних огней»):

Лишь у тебя, поэт, неясных слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души, и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах
[Фет 1971: 251].

Д. Н. Цертелев в стихотворении «А. А. Фету» (1889) отметил неизменную силу поэтического таланта Фета, не утихающую со временем:

Пусть лучшие давно промчались лета,
Над пламенем твоим бессильны дни:
Светлей и ярче первого рассвета
Горят твои вечерние огни
[Поэты 1972: 162].

К. М. Фофанов в своем послании (1889), имитируя стиль Фета, в частности, подражая стихотворению «Шепот, робкое дыханье...» (<1850>), писал о вечности его произведений:

И не светит, и не скосит
Время этих снов.

И пока горит мерцанье
В чарах бытия:
«Шепот, робкое дыханье,
Треби соловья»
[Фофанов 2010: 147].

Тот же мотив «свежести» и «неувядаемости» поэзии Фета прослеживается в поздравительном адресе Общества российской словесности. В нем поэт назван «неустаревающим Фетом» [ИВ 1889: 771].

В день юбилея, 28 января 1889 г., в газете «Новое время» была опубликована заметка Н. Н. Страхова, который откликнулся на юбилей Фета, несмотря на нежелание участвовать и писать

по этому поводу статьи. Страхов отказывался принимать участие в подготовке к празднику. Он писал С. А. Толстой 4 января 1889 г.:

С начала осени он понемногу так меня обозлил своим поведением, что сказать не могу. Он засыпал меня своими поручениями и делами с редакциями. Я принялся усердно услуживать: и ездил, и писал, и вел всякие переговоры <...> И что же? <...> Он скрыл от меня свой уговор с «Русским вестником», вздумал нарушить этот уговор и хотел сделать это через меня, не давая мне понятия о настоящем ходе дела. Он поставил меня в такое фальшивое положение, что я с этих пор уже не возьмусь ни за какие его поручения [Фет 2011: 474].

В письмах к Фету Страхов отказывался присутствовать на его празднике, но скрывал истинную причину отсутствия. Статью по поводу юбилея он не собирался писать, о чем сообщил в письме Фету 10 января 1889 г.: «Прошу у вас заранее извинения, если ничего не напишу к Вашему юбилею, точно так, как ничего не писал ни к юбилею Полонского, ни к юбилею Майкова» [Фет 2011: 473].

Статье критик предпослал вторую строфу из послания Фета Полонскому «Спасибо! Лирой вдохновенной...» (1883; опубл. в вып. 2 «Вечерних огней»):

А я, по-прежнему смиренный,
Забывтый, брошенный в тени,
Стою коленопреклоненный
И, красотой умиленный,
Зажег вечерние огни
[Фет 1971: 201].

В цитируемых строках Фет формулирует образ забытого поэта, смиренного перед красотой и искусством. В то же время поэт в указанном фрагменте осознает, что его время проходит, но он остается верным своим поэтическим принципам. Видя в указанном стихотворении лучшее выражение эстетической позиции Фета, Страхов использовал ту же цитату в рецензии на первый выпуск «Вечерних огней».

Страхов дает поэзии Фета те же характеристики, что и поэты, упомянутые выше (Майков, Полонский):

Стихи Фета всегда имеют совершенную *свежесть*, они никогда не заношены, они никаких других стихов, ни своих, ни чужих, не напоминают; в них нет и тени усилия, сочинения, надуманности; они *свежи и непорочны*, как только что распутившийся цветок; кажется, они не пишутся, а рождаются целиком [Страхов 1889: 2].

Страхов считает Фета классиком, призывает молодых поэтов у него учиться, считает его поэзию вечной:

Вечный, *нерукотворный памятник* воздвигнул себе Фет! По яркости и законченности, он — явление необыкновенное, единственное; мы можем гордиться им перед всеми литературами мира и причислить его к *неумирающим образцам истинной поэзии* [Страхов 1889: 2].

Иначе оценивали эволюцию Фета критики журналов «Вестник Европы» и «Русская мысль», К. К. Арсеньев и В. А. Гольцев. Последний присутствовал на юбилее Фета и поднял бокал во имя «человеческой красоты и непобедимой силы духа» [Шелгунов 1889: 198]. С точки зрения Арсеньева и Гольцева, Фет в поздних стихах обращается к тем же темам, что и в ранний период творчества. Ср.: «Главных источников вдохновения у г. Фета было и осталось два: *природа и любовь*» [Арсеньев 1889: 252]; «<...> Фет воспевал “шепот, робкое дыханье”», — на разный лад воспевал полвека» [Гольцев 1889: 143].

При этом Гольцев констатирует неизменность поэтических принципов Фета. И иронично замечает: «Менялись общественные устои, падало крепостное право, возникло самоуправление, независимая печать, но для поэзии Фета все это прошло бесследно» [Гольцев 1889: 143].

Арсеньев же считает, что Фет, как и всякий лирический поэт в пожилом возрасте, переживает творческий упадок:

Старость может быть венцом нравственного развития, но едва ли она бывает когда-либо кульминационным пунктом художественного творчества. Вместе с жизненной силой слабеет и поэтическое дарование — и в особенности это применимо к чистому лиризму [Арсеньев 1889: 250].

В доказательство мысли об упадке творчества Фета, Арсеньев сравнивает два его стихотворения о звездах: «Я долго стоял неподвижно» (<1843>) и «Среди звезд» (1876):

Первое дышит искренностью и простотой; в его звуках слышится настроение, пережитое поэтом — настроение смутное, неопределенное, но родственное всем, кто молод, понятное всем, кто был молод. Поэт не старается истолковать его, вывести из него какое-либо поучение <...> В короткой пьесе нет ни одного лишнего слова; каждая черта непринужденно укладывается в общую картину и усиливает впечатление. Совсем другое дело — стихотворение «Среди звезд». Проникнутое резонерством, оно двигается вперед медленно и вяло. Прежде звезды «тихонько дрожали»; теперь они рассуждают по всем правилам риторики, заключая свою аргументацию словами: «вот почему» [Арсеньев 1889: 253].

Но не только о поэзии Фета литературная критика вспоминала в связи с его юбилеем. Для Н. В. Шелгунова, сотрудника «Русской мысли», единомышленника Гольцева (они оба придерживались радикально-демократических взглядов), празднование юбилея Фета означало «перелом» общественной мысли, переход интереса публики от острых социальных проблем к легким развлечениям:

Для того, чтобы поэзия Фета была оценена по достоинству, нужен был коренной переворот в общественном настроении, перелом жизни, нужно было освобождение от всего того, что в недавнее время так грубо и крепко опутывало наше сознание. В наши дни такой перелом случился [Шелгунов 1889: 197].

Ссылаясь на анонимную статью из газеты «Русское дело»³, Шелгунов отмечает:

Что же это такое опутывало наше сознание так грубо и крепко, от чего нам следовало освободиться? Ответ на этот вопрос дает «Русское дело» в статье по поводу чествования того же А. А. Фета. «Нет шестивия без препятствия, как души без греха, — говорит Р. Дело, — и наш поэт испытал всю силу «препятствий»; мы разумеем то гонение и глумление в «Свистке», которое выпало на долю А. А. Фета. Тяжелы были те времена и — грешны мы — мы частью оправдываем нападки современников, — точнее, литературы 60-х годов, — на «чистую» поэзию. Не «шепот, робкое дыханье, трели соловья,

³ См.: Юбилей А. А. Фета // Русское дело. 1889. № 4. С. 3.

не поцелую влюбленных в тени плакучей ивы, не щебетанье птички» носились в воздухе, в суровом разреженном воздухе того времени: то время жило великими государственными интересами, жило тяжелою думой о социальном бытоустройстве, жило мыслью о реальном счастье массы людей... Надо ли вспоминать известные имена?... Вот почему наш поэт со своим субъективным лиризмом очутился не au courant... Не то теперь...». И настолько «не то теперь», что в Петербурге стали устраиваться «любительские... балетные спектакли» и «лавры Цукки не дают спокойно спать нашим дамам. Сначала они вздумали увлекаться цыганами; теперь увлекались балетными танцами» [Шелгунов 1889: 197].

Итак, юбилей Фета был воспринят как возможность оценить и его творчество как целое, и общее состояние русской поэзии. Целый ряд литераторов отмечали вневременной характер поэзии Фета — ее «свежесть», неувядаемость, несмотря на ход времени, и ее вечность⁴. Противники «чистой лирики» иначе оценивали поэзию Фета: они видели или замкнутость поэта на одних и тех же темах, или творческий упадок.

СОКРАЩЕНИЯ

Арсеньев 1889 — *Арсеньев К. К.* Новый литературный юбилей. А. А. Фет. Вечерние огни // Вестник Европы. 1889. № 3. С. 248—263.

Блок 1985 — *Блок Г. П.* Летопись жизни А. А. Фета // А. А. Фет. Традиции и проблемы изучения. Курск, 1985. С. 129—180.

Бухштаб 1974 — *Бухштаб Б. Я.* А. А. Фет. Очерк жизни и творчества. Л., 1974.

Гольцев 1889 — *Гольцев В. А.* Литература и жизнь (Критические заметки) // Русская мысль. 1889. № 1. С. 141—144.

ИВ 1889 — Юбилей А. А. Фета // Исторический вестник. 1889. № 3. С. 770—771.

Майков 1913 — *Майков А. Н.* Полное собрание сочинений: В 4 т. СПб., 1913. Т. 2.

⁴ Вневременной характер поэзии Фета стал главным лейтмотивом статьи Н. В. Недоброво «Времеморец» (см.: Вестник Европы. 1910. № 4. С. 235—245).

Пильд 2013 — *Пильд Л. Л.* Table-talk Полонского и юбилей Фета // Статьи на случай: сборник к 50-летию Р. Г. Лейбова. Тарту, 2013. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Pild.pdf (дата обращения: 09.09.2015).

Полонский 1986 — *Полонский Я. П.* Сочинения: В 2 т. М., 1986. Т. 1.

Поэты 1972 — Поэты 1880—1890-х годов. Л., 1972.

Пушкин 1959 — *Пушкин А. С.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Стихотворения 1823—1836. Т. 2. М., 1959.

Садовской 1916 — *Садовской Б. А.* Ледоход. Пг., 1916.

Страхов 1889 — *Страхов Н. Н.* Юбилей поэзии А. А. Фета // Новое время. 1889. № 4640. 29 янв.

Толстой 1952 — *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 50. Дневники и записные книжки. М., 1952.

Фет 1890 — *Фет А. А.* Мои воспоминания: В 2 кн. М., 1890.

Фет 1971 — *Фет А. А.* Вечерние огни. М.: 1971.

Фет 2008 — А. А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн. Кн. 1. М., 2008.

Фет 2011 — А. А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн. Кн. 2. М., 2011.

Фофанов 2010 — *Фофанов К. М.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2010.

Шелгунов 1889 — *Шелгунов Н. В.* Очерки русской жизни // Русская мысль. 1889. № 3. С. 197.